

Попробуем набросать эскиз-портрет модным нынче методом «блиц-опроса». С кинорежиссером Вадимом Абдрашитовым беседует кинорежиссер Инесса Туманян

- Ты не снимал четыре года?
- Я искал деньги. И не нашел. Спонсорам неинтересно то, что я делаю.
- Как ты относишься к «заказному» кино?
- Смотря какой сценарий.
- А готов снять мелодраму?
- Готов. Если бы был подходящий материал.
- А эротическое кино тебе неинтересно?
- Почему? Это жизнь в своем ярком выражении. И если это в русле интересов замысла, то ради Бога.
- Какое любимое времяпровождение?
- У меня нет времени.
- Ты трудоголик?
- К сожалению, да.
- А просто поваляться на диване?
- Я не умею сибаритствовать. Валяться на диване - это психопатология для меня.
- Работать сегодня трудно, сам процесс мучительный. А тебе как?
- Я отдыхаю на работе.

Я слушаю и думаю о том, что Вадим Абдрашитов из тех художников, с которыми интересно разговаривать не потому, что он скажет непременно что-то сенсационное, блеснет изысканной фразой, удивит парадоксальной мыслью. Напротив. Он интересен тем, что имеет смелость и даже дерзость оставаться самим собой: спокойно-трезвым, не боится быть «немодным» и даже в чем-то консервативным.

И он не из тех, кто бежит, «здрав штаны, за комсомолом», пытаясь угадать и угодить молодым постмодернистам, дабы его признали «своим», - а втайне лишь ублажая свои комплексы, свои сомнения и страх: не отстать от времени, быть «современным».

В нем нет того милого легкого кокетства, столь присущего художникам, нет ощущения мессианства, столь свойственного нашим интеллигентам.

Он просто делает то, что считает нужным. И потому - четкость мысли и жесткость суждений. Цельность, сила, и прежде всего чувство собственного достоинства. Такого не загонишь в угол.

И если согласится с Камю, что свободен тот, кто может не лгать, то это относится к Вадиму Абдрашитову.

Мы долго говорили о жизни, о культуре, о кинематографе, о творческой интеллигенции. Об интеллигенции и власти. Его выводы однозначны: никаких кардинальных изменений в жизни не произошло. Просто сменились таблички в кабинетах, сменились лозунги, иной стала лексика. Власть легализует со-

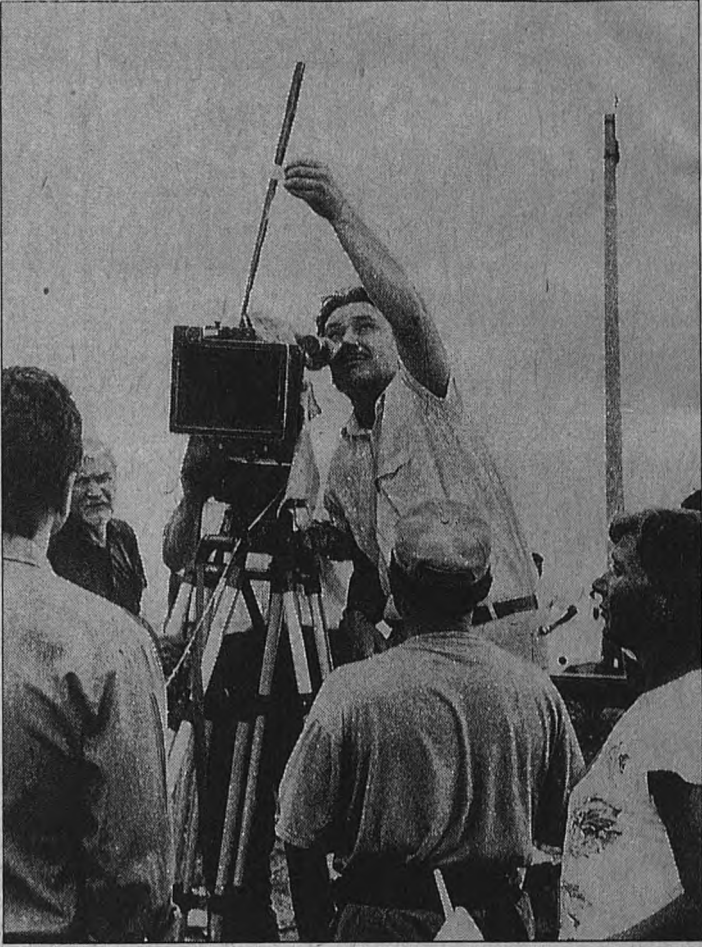
внутренней свободы и внешней. - Мы, говоря о фильме, всегда начинали разговор с проблемы фильма. Но я скептически отношусь к «воспитательной роли» искусства. А ты в нее веришь?

- Конечно нет, искусство никого не воспитывает. Да и не должно. Его функция не прямая, это, скорее, воспитание чувств.

- Возвращаясь к теме «молодых», не могу скрыть: меня удручает «чернуха», удручает порой ощущение, что они не бесчувственны, нет, они вне чувств и вне мысли. Или я что-то не понимаю?

- Это детская болезнь левизны, иначе не назовешь. Хотя я не могу сказать что это всеобъемлющий процесс. Встречаются явные удачи, самобытное кино. Хотя бывает это редко. Что касается «чернухи», это не их процесс, это наш процесс деструкции, наш процесс роста энтропии. Это легче выражается. Утверждать, что жизнь сложна, проще, чем выстраивать ее жизнеутверждающее, жизнепродолжающее начало.

- Вот ты говоришь, что в основном видишь перелеты хорошо известного старого, что многое вторично, хотя появляются и хорошие картины. А что

случилось так, значит, в финальной сцене нужно скорректировать еще не снятую сцену. Снять ее по-другому. Разумеется, если это не меняет основного замысла.

- А ты умеешь смотреть «сторонним» глазом материал?

- Я хотел бы верить, что иногда это получается. Хотя и мне знакомо чувство ослепления собственным материалом, когда я не могу его объективно оценить. Тогда его нужно просто отложить.

- Скажи: когда ты читаешь то, что пишешь о тебе критики, оценки их как-то совпадают с тем, что ты хотел выразить в фильме?

- Их оценки никакой роли не играют. Во всяком случае, редко бывает так, что мне интересно читать то, что они пишут. Пусть я не согласен, мог бы поспорить, но чтобы мне было интересно поговорить. Есть три-четыре имени. Они мне интересны. Остальное все по касательной.

- Я повторю вопрос: тебе действительно может быть интересно «эротическое» кино? Именно тебе?

- Почему же нет? Эротика на нашем экране, в нашем кино - вопрос не простой. Не помню, кто сказал, что в сцене, когда

новые задачи, опыта как такового не существует. Более того, ты сама знаешь, что как бы часто ни снимал режиссер, когда выходишь на площадку, все начинаешь с нуля.

- Все-таки я не могу понять, почему ты так категорично утверждаешь, что успех, признание, призы ничего для тебя не значат.

- Мне как-то неудобно про это говорить, но действительно это меня никогда особо не волновало. И я считаю это счастьем, данным мне от Бога. Я как-то отстранен от этого. Да, к счастью, и Миндале тоже. Ну что - успех, призы? Мы-то знаем, что многие наши картины «не добрали» этого успеха. И я, если хочешь, понимаю, на что иду каждый раз. Я знал, например, что «Армавир» будет встречен именно так, как он был встречен. Сейчас картина привлекла бы больше внимания, чем тогда. И «Слуга» - то же самое. Но я не хочу гневить Бога: каждый раз картины вызвали интерес, в том числе зрительский. А что касается международных призов... Наши картины, они для людей, с которыми мы живем рядом, в этой стране, в это время. Кинематограф - искусство коллективное не только в производственном

смысле. Это касается и общих | от политической температуры социальных процессов, зависит | общества.

- Существует ли для тебя табу?
- Конечно. Когда у человека нет «табу», его поведение асоциально.
- Твоя семья - надежный тыл? Твой дом - твоя крепость?
- К счастью, да, слава Богу. Когда я на год исчезаю на картину, я понимаю: там, «в тылу», все нормально.
- За что тебе стыдно?
- За картины не стыдно. Это больше в плоскости взаимоотношений с близкими. Когда несправедлив. Когда не прав.
- Скажи, Вадим, эта наша сегодняшняя жизнь изменится не скоро?
- Сегодня я не вижу никаких примет ближайшего возрождения. К сожалению...

Как говорят в иных телепередачах: «Не хочется кончать на этой грустной ноте»...

Но бодрчество не к лицу этому режиссеру. Да и неуместно. Пока мы говорили, он несколько раз повторял: - Я пытаюсь заниматься творчеством... - Я пытаюсь заниматься творчеством... - Я пытаюсь... Он действительно живучий человек. К счастью. Значит, дождет до того момента, когда прозвучит привычная рабочая режиссерская команда: «Мотор!... Начали!» Когда же, Вадим?..

Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе

- Ты боишься старости? Боишься потерять ощущение времени?
- Этого у меня нет. Пока. Пока.
- Много ли ты видишь сейчас интересного - в кино, в театре, в литературе?
- К сожалению, нет. Мне кажется все это вторичным. Хотя встречаются интересные, талантливые, крепкие работы.
- Тебя называют режиссером социального кино.
- Любое кино социальное. Любое искусство.
- Как ты относишься к «новым русским» в кино? Что скажешь о «новой волне»?
- Никакой «новой волны» я не вижу. Просто пришло новое поколение. В возрастном смысле. Никаких новых художественных идей они не принесли. Пока. Пока все это перепевы найзито, все вторично.
- Что вызывает тревогу, лично для себя?
- Время уходит. Уходит, уходит.

после театра Виктюка сыграть Островского, Чехова, Горького. Обязательно! Пусть молит Бога, чтобы у него было много неожиданных и сложных ролей.

- Скажи, а как ты сам работаешь с актером? Ведь ты считаешь «актерским» режиссером. Диктаторствуешь, приспосабливаешься, хитришь, много разговариваешь и объясняешь, показываешь?

- Ты задаешь существенный вопрос. Но я не могу ответить на это так, как подчас отвечают мои коллеги, - если, конечно, они искренни. А именно: они утверждают, что существует какой-то метод работы, - у одного режиссера один, у другого - другой. Что касается меня, то все зависит от данного конкретного актера, вернее, от двух, которые сейчас в кадре. Ведь у них подчас совершенно разные школы. Вот я и прикидываю: с этим, слева, я работаю так, а с другим, справа, - по-другому. Я вынужден приспосабливаться к каждому. Одним нужно просто рассказать, о чем картина, другим - прочесть какие-то стихи, сказать об атмосфере существования. Способ работы мне диктует индивидуальность актера. Общих рецептов нет.

- Говорят про Феллини, что он даже Мастройинни не давал читать сценарий. А Тарковскому подчас было достаточно просто физического действия в кадре: пройти туда-то, обернуться, посмотреть... И все.

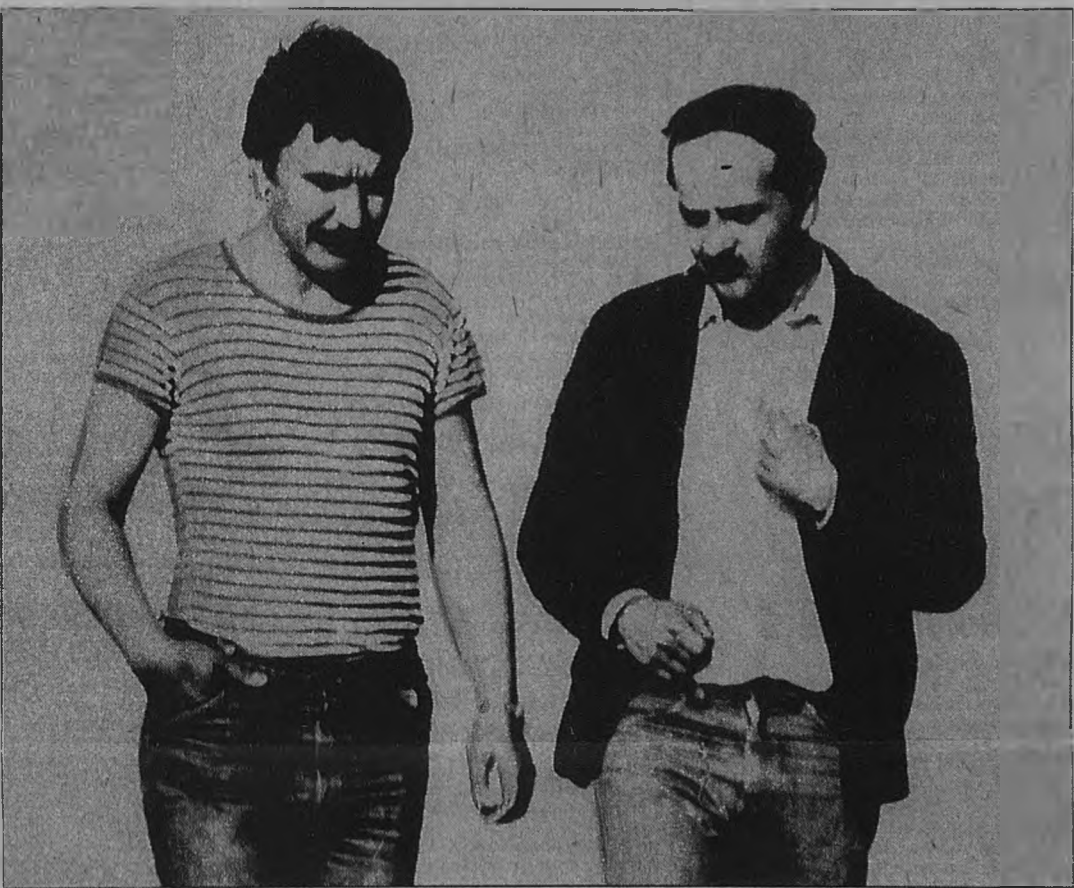
- А это зависит от персонажа. Если нужен выразительный типаж в сцене, достаточно его физического существования в кадре. Но совсем другое дело, если это главный герой. Здесь ведь важны смысловые и эмоциональные нагрузки. Но все равно все конкретно: с одним говоришь о сценарии в целом, с другим - о сцене, которая снимается сегодня.

- И все-таки самое интересное, как идет режиссер от замысла к результату. Тебе, кста-

Жюльен Сорель дотронулся под столом до руки мадам де Реналь, гораздо больше эротично, чем в откровенно эротическом фильме. Я с этим согласен, более того: самые эротические сцены - это танцы.

- Вот у тебя уже большой опыт, много тайн разгадано. А есть что-то, что не удалось еще разгадать?

- Видишь ли, опыта на самом деле нет. Ну разве что в производстве. Но ведь каждый раз, чтобы было интересно и чтобы мы с Миндале оставались интересными друг другу, мы решаем новые творческие задачи, которые прежде не решали. Наши фильмы - это все время разные фильмы. И это самое интересное, чем мы занимаемся вообще. Трудно представить, что «Остановился поезд» и «Парал планет» принадлежат одним и тем же авторам, - говорю это без ложной скромности. Мы раньше не делали такой картины, как «Армавир» или «Слуга». А последняя картина «Пьеса для пассажира», казалось бы, легкая картина, но именно эта простота, даже легкомысленность и была творческой задачей. И посложнее каждый раз мы решаем

- В какой мере тебе интересно, что происходит вокруг?
- «Интересно» - не то слово. Мне тревожно. За жизнь близких. За работу. За собственную жизнь.
- Отчего?
- От того, что я вижу за окном, на улице. За то, что решаю не я сам, а там, «наверху». За последствия.
- А как ты спасаешься?
- Не спасаюсь никак. Я пытаюсь заниматься творчеством. А это наркотик. Это своя ниша.
- У тебя много друзей?
- Много.
- Это какая-то опора?
- Безусловно. Когда видишь, как живет порядочный человек, это помогает жить. Помогает самому тебе. Я уж не говорю о том, что рад пересечению своей судьбы с творческой судьбой Миндале.

бственность - и этим все сказано. И потому едва ли стоит надеяться на изменения в ближайшем будущем. И это его тревожит...

Мы вспоминали, как в свое время с брезгливостью и гневом отбросили понятия «идеология», «пропаганда». Но перестали ли они существовать?

- Изменилась ли идеология? На мой взгляд, да, изменилась. На смену пришла идеология личного обогащения, потребления, крайне выраженная идеология индивидуализма. И сегодняшняя пропаганда культивирует этот индивидуализм.

- Но художники как бы всегда провозглашали и отстаивали это?

- Это сложный вопрос - что говорили художники. Их руками осуществлялась функция культуры, искусства, и она никогда не поддерживала в чистом виде индивидуализм. Наоборот. Чем всегда занимались литература и искусство? Бесконечными поисками золотой середины, гармонии между категориями

же такое нынешние фестивали тогда? У тебя нет ощущения, что мы, по выражению Раневской, «симулируем здоровье»?

- Я тебе скажу так: может быть, они, фестивали, в каком-то смысле подменяют творческую жизнь, да, да. Но это хорошо, что они существуют. Это каким-то странным образом сработал механизм самосохранения. Все-таки это обмен художественной информацией. А насчет «симуляции здоровья» - это во всех случаях лучше симуляции нездоровья.

- Вот ты работал с Маковецким. Также из «молодых», сейчас много говорят и пишут об этом актере. Но мы знаем, сколько было этих «временных взлетов» - сверкает - и... Что ты о нем скажешь?

- Это очень талантливый человек, понимающий, что он делает, по-хорошему творчески сомневающийся. Никакой «звездной» болезни у него нет. Но если его будут дальше использовать так, как используют, выработается шаблон. Ему бы

- Ты максималист?
- О чем ты говоришь? Разве мои картины не говорят о терпимости? Ни в одной из них нет «отрицательного» героя.
- Успех, признание, призы на фестивалях важны для художника. Или важнее собственное ощущение «получилось»?
- Шумиха и успех меня не волнует. Меня это не трогает.
- У тебя новый замысел. Опять нужно искать спонсора?
- Опять буду искать деньги.
- А если не найдешь? Что делать, если не «кино»?
- У меня есть обязательства перед моими близкими. Значит, найду себе работу. Я много чего умею. Мозги еще остались.
- Ты живучий человек?
- Не хочу гневить Бога. Наверное, да.
- Начиная работать, ты уверен, что все получится?
- Это было бы дико скучно.